

Наркоз оказался слабый — его хватило всего на пару минут. Он приходил в себя, в теле снова появлялась тяжесть, но руки уже слушались. Сюй Сяочжэнь пошевелился, хотел было спросить, не стоит ли вколоть ещё — чтоб дотянуть до конца.

Но врач его опередил. Подошёл, откинул с его лба волосы, и с кривой усмешкой процедил:

— Какое, к чёрту, «вырезать» железу? Он уже мой. Куплен. Значит, будет всё, как я скажу.

Врач смерил его взглядом — как товар, не как человека.

— Мордашка у него ничего. Оставим или железу, или ребёнка — оба не выживут. Лучше сейчас всё зачистить, чем потом труп вынимать, когда плод задохнётся в утробе. Сейчас вколем — гормоны добавим, и через месяц он снова будет в охоте, снова можно вязать.

Он усмехнулся, будто рассуждал о племенной скотине.

— Вон сколько бета денег суют, лишь бы от омеги родить. А тут сам пришёл — подарок судьбы.

Повернулся к медсестре:

— Принеси ещё пару ампул — это чёртово зелье с чёрного рынка совсем не держит, поди ещё проснётся посреди операции.

Сюй Сяочжэня пронзила дрожь. Казалось, сердце на секунду перестало биться. Какой же он идиот. Какой доверчивый, наивный осёл.

Когда медсестра вышла, врач склонился над столиком, приводя в порядок инструменты.

Он даже не успел обернуться.

Сюй Сяочжэнь вскочил, не чувствуя ни ног, ни веса тела — как будто им двигал не он сам, а что-то более древнее, чёрное, как сама ярость. Он схватил с прикроватной тумбы монитор сердечного ритма — и обрушил его на голову врача.

Раздался глухой стон. Мужчина попытался обернуться. Из-под волос хлынула кровь, и на секунду Сюй Сяочжэнь отшатнулся, испугавшись.

Но тут же вспомнил — свою жизнь, которой лучше бы не было. Ребёнка, о котором он даже не знал, жив ли. Момент, когда Чжоу Янь умер у него на глазах. И виновника — Чэня Исунь, из-за

которого всё это началось.

Ярость, чёрная, всепоглощающая, захлестнула его. В руках снова обрёл вес и цель.

Размозжи ему череп!

Добей его!

Разнеси его, чтобы не встал!

Так же, как ты мечтаешь расколоть голову Чэнь Исуню!

Он обхватил монитор и ударил ещё — раз, другой, третий. Острый край резал кожу и кости. Врач осел на пол, лицом вниз, уже не подавая признаков жизни. Только когда комната погрузилась в тишину, Сюй Сяочжэнь тяжело сглотнул и выронил из рук окровавленный прибор.

Он вытащил из медицинского лотка скальпель и спрятал его в рукаве. Уже почти добрался до двери, как вдруг остановился, развернулся и решительно подошёл обратно. Без капли колебаний вонзил лезвие в запястья врача — по одному в каждую руку. Хотел быть уверенным: даже если тот очнётся, никогда больше не сможет держать в руках скальпель.

В этот момент в комнату вошла медсестра с ампулами. Увидев его в крови, она дико закричала.

Сюй Сяочжэнь молниеносно приставил скальпель к её тонкой, уязвимой шее. Говорил он низким грудным голосом, специально делая интонации уверенными, пугающе спокойными:

— Торговля людьми. И не просто людьми — омегами. Вы вообще понимаете, на сколько лет это тянет? На расстрел без суда и следствия.

Медсестра сжалась, как кролик перед удавом, и отчаянно закивала.

— Мне не нужен скандал. Будем считать, что сегодня ничего не было. Поняла? — Он сам не хотел шумихи, знал, чем это может обернуться — бесконечными проблемами.

Она снова закивала, глядя на него с паническим ужасом.

Он отпустил её, сорвал с вешалки плащ и набросил его поверх окровавленной одежды. Только после этого вышел из операционной.

В городе в это время уже почти всё погрузилось в тишину. Лишь гигантские LED-экраны на

небоскрёбах продолжали мерцать, транслируя ночные новости. В углу одного из них мелькало время: 01:23. Автобусы давно не ходят, телефон у него разрядился. Домой можно будет попасть только утром.

С самого утра и до этой минуты — всё словно один нескончаемый кошмар. Только выбравшись из этой мясорубки, Сюй Сяочжэнь наконец позволил себе выдохнуть и вспомнить, что только что произошло. Мысли обрушились лавиной — сердце забилось сильнее.

Он долго стоял на улице, пытаясь привести себя в чувство. Как только отпустила паника, тело напомнило о себе: в икрах — судороги, желудок скручен от голода. Пришлось искать место, где хотя бы пробивается свет. Он забрался под мост, нашёл в сумке тюбик с питательной смесью и выжал его себе в рот. Сразу стало легче.

Затем достал из рюкзака пачку медицинских заключений. Почти всё — анализы: анемия, истощение. Он пролистал их бегло. Взгляд остановился на снимке УЗИ.

Большая больница, хорошее оборудование — всё чётко. Врач сказал, что плод расположен правильно.

Вот лицо. Вот ручка. Вот ножка. Вот крошечная стопа.

Он провёл пальцем по чёрно-белому изображению, осторожно, как будто мог потревожить. Вглядывался, различал, угадывал: мальчик? Девочка?..

В этот момент ребёнок слабо пнул его изнутри. Совсем не больно — будто просто хотел напомнить: "Я здесь."

Лунный свет скользнул по гладкой поверхности снимка, отразился в глазах Сюй Сяочжэня — глаза были полны слёз.

— Мой хороший. Мой маленький. У тебя такой никудышный отец, а ты всё равно держишься, живой...

Он тихонько погладил живот. Кто знает, слышит ли его крошка уже? Но всё равно прошептал:

— Давай... давай тебе имя дадим, а? Говорят, если дать имя — это уже оберег. Уже как будто легче будет. Как бы ты хотел, чтобы тебя звали?

Имя — это уже связь. Корешок, за который можно зацепиться в этом мире.

По всем правилам малыш должен был бы носить фамилию Чжоу — в честь Чжоу Яня. Но Чжоу Яня больше нет, и вряд ли с такой фамилией ребёнка примут в систему. Придётся дать свою —

фамилию Сюй.

Значит, Сюй... Сюй кто?

Сюй Сяочжэнь долго об этом думал. Он точно знал одно: его ребёнок не будет жить с таким вот вымученным, ни о чём не говорящим именем, как у него. Он всегда ненавидел своё. (Пп: Сяо Чжэнь — воспринимается китайцами как что-то вроде «Васька» или «Вася Пупкин» — простое, уменьшительное и безликое имя.)

— А как тебе — Сюй Люй? “Оставшийся” Сюй...

Он повторил имя вслух. В нём было что-то. Универсальное, неважно — мальчик ты или девочка.

Ребёнок не возразил.

Значит, решено.

Он хотел, чтобы ребёнок остался. Чтобы выжил — вопреки всему. Хотя тот и не мог сказать ни слова, не мог ничего выбрать.

Но как заставить его остаться?

Он перепробовал всё: и государственные больницы, и подпольные клиники. Даже думал пойти в органы — соврать, что он одинокий омега с погибшим альфой, просить защиты.

Но это был бред. Никто не поверит. В их глазах железа важнее ребёнка, которого он носит под сердцем.

— Один омега в своё время так хотел быть с бетой, что сам себе выдрал железу. Жив остался. Попробуй, а?

Эта фраза будто застряла у него в ушах, крутилась бесконечно.

Попробовать?

Ведь выхода нет. Куда ни шагни — везде тупик. Почему бы и не попробовать?

Хуже не будет. В худшем случае — смерть. А он с самого начала именно этого и хотел. Так что смерть — это даже не цена.

Но бесконечные унижения последних дней будто выковали внутри него что-то новое. На дне разбитой души — не пепел, а пламя. Он жаждал знать: Чэнь Исунь — мёртв или жив? Ненависть к нему росла как опухоль.

...

Прошла неделя после выпускных экзаменов. Те, кто ещё недавно с жадным интересом обсуждали его, наконец, отстали. У всех свои заботы — не до того, чтобы толпиться под его окнами каждый день.

Вернувшись из центра города, Сюй Сяочжэнь первым делом прибрался дома. Постирал одежду, всё развесил сушиться, стены вымыл до блеска. Потом нашёл старую SIM-карту, вставил в телефон. Поток пропущенных и сообщений захлестнул экран.

Он стал удалять их по одному. Среди них были вызовы из четвёртого сектора и сообщения от учебной администрации.

Он задумался. Решил: сначала вырежу железу, а потом — посмотрим. Если умру, так хоть не надо будет возвращаться.

Прекрасная, чёрт возьми, шутка.

Он часами сидел в сети, читая всё, что можно найти: как проводить такую операцию самому, какие нужны инструменты. Один аппарат стоит десятки тысяч. Даже скальпель — и тот тысячи три. А у него нет ни денег, ни доступа к закупкам.

Оставался только один путь — грубый, жестокий, как сама жизнь.

Он снова и снова разглядывал анатомические схемы человеческой шеи, щупал собственную кожу, на ощупь выискивая линии артерий и мышц, чертил их на бумаге по памяти. Даже во сне видел сосуды, сухожилия, кривую траекторию разреза.

Это был первый месяц после смерти Чжоу Яня.

И в ту ночь он приснился ему.

Стоял у ворот школы, в закатном свете — нетерпеливый, как всегда, тёмные волосы блестят, лицо точёное, такое родное, такое настоящее, как будто он никогда и не умирал.

Сюй Сяочжэнь, будто в трансе, пошёл к нему — тот тут же схватил его за руку:

— Ты чего так долго? Я уже задолбался ждать! Пошли!

Сюй Сяочжэнь хотел было предупредить, что надо помедленнее... и выдавил:

— Потихоньку... у нас... малыш.

Чжоу Янь нахмурился:

— Какой ещё малыш?

Сюй Сяочжэнь приоткрыл рот — но не успел ничего сказать. Проснулся. Лицо было мокрым. Он провёл рукой — слёзы, холодные, липкие.

Чжоу Яня не стало уже месяц как.

Месяц, который одновременно тянулся как вечность — и прошёл как один день.

Он приходил к нему. Приходил — а Сюй Сяочжэнь так и не успел рассказать, что у них будет ребёнок. Что он уже дал ему имя.

Сюй Люй - "Тот, кто остался".

Утреннее солнце било в окна остро, почти больно. День выдался на удивление ясным.

Сюй Сяочжэнь принял душ. Перед зеркалом аккуратно расчёсал волосы — прямой пробор, чёткий, деловой. Потёр губы, пока те не налились хоть каким-то цветом.

Затем налил кипятка в стеклянную бутылку и обработал им одежду — чтобы разгладить, как он когда-то учил Чжоу Яня. Из чемодана достал наполовину использованный пузырёк просроченного спирта и поставил его у изголовья кровати.

Только завершив этот почти торжественный обряд, он медленно вышел из дома.

На нём была белая футболка и чёрные узкие джинсы — почти официальная форма вдовца.

Сюй Лю уже пятимесячный, но из-за хронического недоедания живот выдавался совсем чуть-чуть — под тонкой тканью почти не заметно. Лишь когда ветер проходил по улице, тень округлости проступала еле-еле.

Он натянул улыбку. Губы были алыми, будто подкрашены, лицо — белое, как бумага. Чересчур

белое. Не живой, не мёртвый — прохожие инстинктивно сторонились, будто опасаясь зацепить его судьбу мимоходом.

Может, ребёнок тоже что-то почувствовал — заволновался, забился внутри, и в животе болезненно кольнуло. Сюй Сяочжэнь положил ладонь, погладил — малыш успокоился.

Он подошёл к стеклянной витрине круглосуточного магазина. Его отражение, искажённое и тусклое, напоминало нечто промежуточное между человеком и тенью.

Он отступил на шаг. Всё ещё уродливый?

Опустил голову — и вошёл.

— Добро пожаловать! Давно не виделись! — продавщица, девчонка с улыбкой до ушей, явно его узнала. — Что-то ищете?

Он разомкнул губы, но слова словно застряли. С трудом выговорил:

— Лезвия. Можно... одно?

— А? У нас только в упаковках по десять. По одной не продаются. Два юаня за коробку.

Сюй Сяочжэнь склонил голову. Каштановые волосы упали на лицо, закрывая покрасневшие глаза. Он не глядел прямо. Шарил в кармане.

Один юань... второй...

Он достал скомканные, мятые бумажки, выровнял их как мог — тонкие, иссохшие пальцы дрожали, когда он протягивал деньги.

— П... пожалуйста... дайте... одну коробку...

Он думал, что будет проще. Что если всё заранее готово — будет легче. Но сейчас, когда остался последний шаг, внутри всё сводило от напряжения.

Продавщица молча взяла деньги и вручила коробку с лезвиями.

Он хотел, чтобы всё было «прилично». Хотел просто купить и просто уйти — спокойно, как будто ничего особенного.

У входа в круглосуточный магазин поставили лоток с уценёнными фруктами. Переспелый виноград издавал пьянящий, почти сладострастный аромат брожения.

Ребёнок зашевелился. Сюй Сяочжэнь побледнел и остановился. Запах винограда пробрался прямо в глотку — тягучий, тёплый, будто можно захмелеть от одного вдоха. Он сглотнул — слюнки текли, как у голодного зверя.

Он уже собирался идти дальше — ребёнок снова толкнулся. Взгляд сам собой упал на виноград.

— Три штуки, — прошептал он.

Он вывернул карманы, пересчитал монетки, наскрёб впритык. С виноградом и коробкой лезвий он вышел обратно на улицу.

Три ягоды он положил в свою любимую чашку с кроликом. Поставил на тумбочку — чтобы сразу видно было.

Просроченный спирт, наконец, пригодился — он обработал им лезвия. Лёг на кровать.

Руки ещё не поднялись, а взгляд уже плыл. Он видел только одно — чашку. И в ней — три виноградины.

Левая ладонь легла на живот. Ребёнок снова пошевелился. Он подумал: «Скоро будет больно. Потерпи, Сюй Люй. Потом поедим виноград. Папа вырастит тебя.»

Лезвие и правда оказалось острым. Стоило чуть надавить под железу — и кровь хлынула, как из сломанного крана.

— А-а-а!.. — выдохнул он, скрюченный, словно только что вспороли живую рыбу.

Железа — самая чувствительная точка. Боль — в разы сильнее любой другой.

Он закусил край футболки, втянул в рот ткань, пот стекал по лбу, глаза зажмурены. Пальцы двигались медленно, с каждым миллиметром проникая всё глубже.

Боль!

Он будто валялся на земле, избитый, слабеющий. В мечтах Чжоу Янь стоял в стороне, холодный и равнодушный. «Не вмешивайся, прошу тебя...» — мысленно молил его Сюй Сяочжэнь.

Так больно.

И снова — Чжоу Янь, рухнувший навзничь, с грудью, пронзённой клинком. Рыба, только что вскрытая, выброшена в дождь. Капли стучат, под ногами — кровь и вода.

Боль...

Такая сильная боль...

...Больно...

...

Когда железа оторвалась от тела, по комнате разлился насыщенный запах виноградного феромона. Он был невыносимо густым — как прощание, выкрикнутое из последних сил.

Сюй Сяочжэнь очнулся. Неизвестно, сколько прошло. Утро было светлым, ясным. Кроме боли в шее — в теле было странное чувство лёгкости. Пустоты. Он будто парил — и это было... приятно.

Он попробовал пошевелиться. Лежал в собственной крови, которая давно высохла и слиплась с простынёй. Стоило дёрнуться — простыня потянулась за ним.

Он засмеялся — два коротких, сухих смешка.

— Ха... ха...

Худые руки уцепились за край кровати, он с трудом приподнялся. Подполз к сделанному из двух досок столику у изголовья. Кап... кап... что-то тёплое стекало из-под него вниз.

Он знал, что это. Знал и всё равно лёг обратно, раскинув руки. Лицо — вверх. То смеётся, то плачет. Но ни одной слезы.

— Сюй Люй... — выдохнул он. — Ты ещё здесь?

Молчание. Ни звука.

Сюй Сяочжэнь, цепляясь за последнюю надежду, лежал неподвижно и вливал в себя питательную жидкость — только бы сохранить ребёнка.

Он не знал, сколько пролежал в одной позе. Кровь под ним запеклась, в тёплом воздухе начала пахнуть гнилью, прилипла к телу.

Виноград сгнил. По комнате разлился кислый, перебродивший аромат. Его невозможно было отличить от феромона Сюй Сяочжэня — всё слилось в один запах, тяжёлый, липкий.

Дверь снаружи несколько раз дёрнули. Не открывается. Тогда кто-то взял камень и начал яростно колотить. Глухие удары — бах! бах!

В комнату ворвался Юань Нанань. На этот раз он закричал ещё громче, чем в прошлый.

<http://bllate.org/book/14462/1279144>